

Тренировка Силь началась на рассвете.

Не официальная, а наполненная неловкой атмосферой совместного времяпрепровождения.

Когда Стелла проснулась в гостевой комнате Форта Клипот, за окном всё ещё стоял характерный для Белобога серо-голубой полумрак, застрявший между ночью и днём. Свет, профильтрованный защитным куполом, напоминал вечно неснимаемую вуаль.

Силь стояла у окна.

Она вошла не через дверь — через окно.

Для обычного человека окно Форта Клипот означало верную смерть, ведь снаружи простирался обрыв, но для Силь это был всего лишь ещё один путь.

Её короткие синие волосы растрепал утренний ветер, а коса прислонилась к стене, её лезвие в тусклом свете походило на замерзшее озеро.

— Вставай, — произвела она, не поворачиваясь. — Правило выживания в Андерграунде, урок первый.

Стелла, протирая глаза, села, и бейсбольная бита соскользнула с подушки прямо в ладонь — эту привычку она даже не помнила, когда успела приобрести.

— Правило выживания в Андерграунде?

— Как выжить в пасти Существ Разлома. Как прятаться от погони Сереброгривых Стражей. Как... — Силь замолчала, — ...не быть случайно убитой тем, кто не хочет тебя убивать.

Последняя фраза прозвучала так, будто её выдавили сквозь стиснутые зубы.

Стелла заметила, что кончики ушей Силь в лучах утреннего света слегка покраснели, словно случайно показавшийся в снегу цветок.

— Кто не хочет меня убивать?

Силь обернулась.

В серо-голубом свете её глаза напоминали две потревоженные звезды, в глубинах которых медленно бурлило Море Квантов.

— ...Я.

Площадка для тренировок располагалась в каком-то заброшенном хранилище в подземелье Форта Клипот.

Это было не открытое пространство: тесное помещение, с западной стороны — грубая каменная кладка, а с потолка капала вода, собираясь на полу в крошечные ручейки.

Силь утверждала, что это имитация условий Андерграунда, но Стелле казалось, что это место выбрали нарочно, чтобы ограничить её скорость. Здесь Силь не могла размахнуть косу в полную силу, а Стелле было негде развернуться для удара на длинной дистанции.

— Пространство в Андерграунде всегда тесное, — объяснила Силь, то ли оправдываясь, то ли напоминая самой себе. — Поэтому в бою важна не длина оружия, а то, кто сможет принять самое верное решение на кратчайшей дистанции.

Она подняла косу и сделала простой рубящий жест.

Стелла увидела.

Не само движение, а его траекторию.

Лезвие косы чертило в воздухе дугу, но как бы Силь ни меняла стойку, как бы ни старалась придать себе свирепый вид, эта дуга неизменно отклонялась от жизненно важных точек Стеллы.

Область сердца была смещена на три дюйма, высота горла — ниже на пять сантиметров, а угол у виска — отклонен на пятнадцать градусов.

— Ты избегаешь меня, — сказала Стелла.

— Что?

— Углы твоих атак, — Стелла указала на траекторию косы. — Ты всегда обходишь уязвимые места, даже во время «практической тренировки».

Выражение лица Силь мгновенно рухнуло.

Её коса застыла в воздухе, словно маятник часов, на которые внезапно нажали кнопку паузы.

— ...Второе правило выживания в Андерграунде, — произвела она на полтона тише, чем раньше. — Не умничай.

— Это комплимент.

— Это самоубийство.

Силь снова подняла косу, на этот раз двигаясь быстрее и выбирая ещё более изощрённые углы.

Лезвие издало в воздухе глухой свист, похожий на крик разъяренного зверя, бросающегося в атаку.

Стелла подняла бейсбольную биту для блока, и в тусклом полумраке хранилища распустился фейерверк из металлических искр — словно упала короткая, но не желающая гаснуть звезда.

Но Стелла «почувствовала» это.

Не глазами — через бейсбольную биту.

Ледяной след яростно пульсировал от столкновения, напоминая внезапно ускорившееся сердце.

И к нему примешивалась новая частота — не размеренность следа данных, не легкость ледяного следа, а кое-что более теплое. Золотистое, похожее на горячий источник, неожиданно обнаруженный в глубинах подземелья.

Стелла закрыла глаза, позволяя ряби разойтись от древка биты.

Темнота хранилища озарилась «цветами эмоций»: камни были безмолвным серым, капли воды — меланхоличным синим, а Силь...

Цвет Силь изменился.

Это больше не был чистый ледяно-синий.

Поверхность по-прежнему оставалась острой и холодной, как лезвие косы, но в глубине Стелла «увидела» иное — текучий, глубокий синий, пронизанный лучами солнца.

А в самом сердце, в самом центре таился теплый золотистый оттенок, напоминавший жемчужину, спрятанную в раковине.

Материализация чувства защиты.

Не по отношению ко всем подряд — к конкретной, узкой, острой, как лезвие ножа.

К кому-то определенному, к единичным людям. К той обладательнице серебристо-белых волос, у которой в груди зияла пустота, к той, что в одиночестве касалась чужого значка...

— Ты... — Стелла открыла глаза.

— Замолчи. — Голос Силь был прерывистым; столкновение отняло у неё немало сил. — Сосредоточься.

— Твой цвет изменился.

— Какой ещё цвет?

— Внутри ледяно-синего есть золото, — произнесла Стелла. — Как пыльца на крыльях бабочки... как... желание защитить.

Коса Силь снова зависла в воздухе.

На этот раз не от удивления, а из-за задевшей за живое, еще не затянувшейся раны.

Её синие глаза в тусклом свете сияли, как две потревоженные звезды, а укрытое в глубине теплое золото бешено мерцало, словно внезапно вытащенное на воздух сердце, что сгорает в ускоренном темпе.

— ...Чушь собачья.

— Сейчас я тебе это докажу.

Стелла нарочно подставилась под удар.

Она шагнула влево, потеряв равновесие, и в защитной стойке биты образовалась зияющая брешь — её горло оказалось совершенно не защищено от траектории косы.

Эта пробоина была слишком явной, настолько явной, что любой обученный боец непременно воспользовался бы ею.

Силь воспользовалась.

Её коса, подобно синей молнии, описала в воздухе смертоносную дугу, целясь прямо в горло Стелле.

Скорость, угол, сила — всё безупречно.

Будь это настоящий бой, Стелла уже была бы мертва.

Но это не был настоящий бой.

Кончик лезвия косы резко остановился в полусантиметре от горла Стеллы.

Не затормозил плавно — замер мгновенно.

Словно несущийся на полной скорости поезд резко дернули невидимой силой, и от инерции рука Силь слегка задрожала, а лезвие издало низкий гул.

Полсантиметра — ровно столько, чтобы ощутить тепло кожи, ровно столько, чтобы сосчитать удары сонной артерии, ровно...

Ровно настолько, чтобы не причинить вреда.

— Ты сошла с ума?! — В голосе Силь слышался настоящий гнев, но под ним крылся страх — страх перед тем мигом, когда она чуть было не потеряла контроль над собой.

— Я калибрую измеритель желания защитить, — ответила Стелла.

Её голос был ровным, дыхание ровным, сердцебиение ровным — так, будто перед ней находилась не коса, способная забрать жизнь, а тщательно спроектированный эксперимент, результат которого она знала заранее.

Стелла подняла бейсбольную биту, показывая её Силь.

На древке, рядом с бледно-синим следом данных и прозрачным ледяным следом, появилась новая отметина.

Около двух сантиметров в длину, она излучала теплое золото, в точности совпадающее по оттенку с самым глубоким цветом эмоций Силь.

Это был не металлический блеск, а текстура, больше похожая на свет, на тепло, на само застывшее чувство.

Когда Стелла поворачивала биту, золотистые узоры отбрасывали едва заметный теплый ореол, напоминавший полуденное солнце или скрытые краски на крыльях бабочки, которые можно разглядеть лишь под определенным углом.

— Третий след, — произнесла Стелла. — Золотой, в тон твоему цвету.

Коса Силь опустилась.

Её взгляд упал на золотистый узор, зрачки сузились, как у ночного зверя, ослепленного ярким светом. Рука сама собой потянулась к бейсбольной бите, и её кончики пальцев коснулись золотистого следа, вызывая резонанс.

Это не была физическая вибрация — скорее созвучие, словно два сердца вдруг настроили на один ритм.

Теплое золото Силь бурно заволновалось в воздухе, словно вода, в которую бросили камень, и золотой след на бите ответил той же частотой: эхом, отражением, парой разорванных крыльев, что наконец обрели друг друга.

— Это... — Голос Силь упал почти до шепота, она говорила как будто сама с собой. — Что это такое?

— Узы, — ответила Стелла. — Думаю, твоё желание защитить меня запечатлелось на ней. Словно запись, оттиск...

— Словно что?

— Словно чешуйки бабочки, что упали куда-то и превратились в свет.

Пальцы Силь всё ещё лежали на золотистом узоре.

На подушечках её пальцев виднелись мозоли от долгого обращения с косой, наощупь грубые, но теплые.

Пальцы Стеллы тоже покоились на древке, и на мгновение их руки соприкоснулись поверх золотой отметины...

Силь отдернула руку так, будто обожглась.

Движение вышло резким, выдающим испуг и почти комичную панику.

Кончики её ушей в полумраке покраснелись так, будто готовы были закровоточить; румянец расползся от ушных раковин до самой шеи и на фоне коротких синих волос смотрелся неуместным, пылающим костром.

— ...Противоскользящее покрытие, — бросила она.

— Что?

Силь не ответила.

Она выхватила бейсбольную биту с грубостью, подобающей изъятию опасной улики.

Её пальцы быстро заскользили по рукоятке, отрывая от собственного рукава полоску ткани — темно-синюю, точь-в-точь под цвет её коротких волос, с аккуратными ручными стежками по краям, явно старую и сделанную вручную.

Ткань легла на рукоять бейсбольной биты.

Один виток, второй, третий.

Силь действовала сноровисто, повторяя ритуал, отточенный тысячами повторений.

Материя была грубой, но облегла рукоять намертво, напоминая крепкое объятие, от которого не хочется размыкать рук.

Наконец, она заправила кончик в промежуток между витками, зафиксировала, туго натянула и —

швырнула биту обратно Стелле, словно горячую картошку.

— ...Для сцепления, — снова произнесла она, голосом столь тихим, что казалось, она разговаривает сама с собой. — В Андерграунде сыро, если рука соскользнет — умрешь.

Стелла опустила взгляд на рукоять.

Темно-синяя полоска ткани выглядела странным украшением на серебристо-сером древке, но на ощупь она оказалась превосходной — шершавой и теплой, передающей чужое, невысказанное тепло.

Она провела пальцем по краю ткани, нащупав фактуру швов: они складывались в форму бабочки, точь-в-точь как узор на косе Силь.

— Спасибо, — сказала Стелла.

— Это не благодарность, — Силь отвернулась, стоя к ней спиной. — Это... третье правило выживания в Андерграунде. Оружие требует ухода. Рукоять должна не скользить, это азбука.

— Азбука.

— Азбука.

Стелла покрепче сжала биту, ощущая пульсацию трех следов.

След данных был размеренным, ледяной — легким, золотой — теплым. Три частоты, три температуры, три света, зажженные разными узами.

От ткани на рукояти исходило тепло тела Силь, словно от бьющегося в коконе живого сердца.

Снаружи, за дверью хранилища, слышались шаги.

Голос Пелы просочился сквозь щель:

— Наследница Верховной Магистратки созывает собрание. Госпожа... Силь, вам пора уходить.

— Я не принадлежу этому месту, — произнесла Силь, и в её вновь остывшем голосе прозвучало что-то неумовимо новое. — Никогда не принадлежала.

Она направилась к окну, и её силуэт на фоне серо-голубого света казался вытянутой тенью.

Коса покоилась на плече, узор-бабочка мерцал на лезвии, точно замерзшее ожидание, готовое в любой момент расправить крылья.

— Силь, — окликнула Стелла.

Девушка с синими волосами замерла у окна, не поворачиваясь.

— Значок Бронии, — сказала Стелла. — Ты хранишь его у себя, не забудь вернуть ей при следующей встрече.

Силы на мгновение замерла.

А затем, не оглядываясь, выпрыгнула в окно, растворившись в метели за пределами Форта Клипот.

Синий остаточный силуэт прочертил в воздухе цепочку рассыпающихся, тающих бабочек, сливаясь с серым небом Белобога.

Стелла посмотрела на биту.

Три следа попеременно вспыхивали у основания рукояти, напоминая трех звездных новичков, постигающих искусство диалога.

Темно-синяя полоска ткани вилась вокруг них завязанным узлом, который никто не собирался развязывать.

— Для сцепления, — пробормотала она про себя, и уголки её губ изогнулись в улыбке.

В каком-то недостижимом измерении всплыла новая строка текста:

□Глава 12. Конец□

□Глава 13. Достижение разблокировано: Калибровка измерителя желания защитить завершена□

□Анонс следующей главы: Выход Сэмпл на арену комедианта□

Стелла моргнула.

Надпись исчезла.

Но она знала: кто-то или что-то наблюдает за ней прямо сейчас.

Не Хэйта, не Коколия, не какое-то из её прежних знакомств.

Что-то более далекое, насмешливое и донельзя «радостное».

И на этот раз она улыбнулась в сторону ухода Силь, словно обращаясь к тому, кто только учится признаваться в собственных защитных порывах:

— Чешуйки бабочки и впрямь превращаются в свет.

В вое ветра слышался едва уловимый звук, похожий то ли на вздох, то ли на смешок:

— ...Замолчи.

<http://bllate.org/book/19707/1938014>